

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-2-430-444

EDN: QZYNLW

Студенческая молодежь: психоэмоциональный и социальный автопортрет (по результатам фокус-групп)*

Р.Э. Бараш, И.О. Тюрина

Институт социологии ФНИСЦ РАН,
ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5, Москва, 117218

(e-mail: raisabarash@gmail.com; irina1-tiourina@yandex.ru)

Аннотация. По материалам фокус-групповых бесед со студентами четырех российских университетов авторы описывают психоэмоциональное состояние и социальное положение студенческой молодежи, круг беспокоящих ее проблем, планы на будущее, приоритетные стратегии взаимодействия со сверстниками и отношение студенчества к таким мировоззренческим чертам, как свободомыслие и неординарность мышления, толерантность к своеобразию окружающих и следование собственным взглядам, мотивированность и целеустремленность. Исследование показало, что под влиянием актуальной медийной повестки (прежде всего в Интернете) в студенческой среде доминируют эмоции тревоги, незащищенности и неопределенности, тогда как традиционные СМИ практически не вызывают интереса у участников фокус-групп. Большинство информантов не смотрят телевизор, в том числе по идейным причинам. Психологическое состояние молодежи в значительной степени формируется поступающей из СМИ информацией, которой молодые люди не доверяют однозначно и многократно перепроверяют. Для студентов, оканчивающих университет и сталкивающихся с большим объемом учебной работы, основным источником беспокойства — страх перед неизвестным будущим, неопределенность в выборе карьеры и жизненных целей, в том числе с учетом сложной геополитической обстановки. Уникальными чертами своего поколения российские студенты считают внутреннюю свободу и широту взглядов, постоянное саморазвитие и стремление к самореализации, сочетание индивидуализма и эмпатии, а также постоянную включенность в коммуникацию с друзьями посредством социальных медиа. Среди негативных черт современной молодежи информанты называли некоторую инфантильность и неготовность принимать ответственные решения. В числе наиболее тревожащих и болезненных для современной молодежи социальных проблем российского общества студенты отметили социальное неравенство, обусловленное, имущественным различием, а разнообразие мнений и жизненных стратегий они воспринимают спокойно.

Ключевые слова: российское общество; общественное мнение; молодежь; студенчество; ценности; коммуникация; цифровизация; ценностные ориентации; жизненные стратегии; социальная мобильность; образ будущего

*© Бараш Р.Э., Тюрина И.О., 2024

Статья поступила в редакцию 25.02.2024 г. Статья принята к публикации 15.05.2024 г.

Студенческая молодежь — ключевой ресурс и локомотив будущих социальных преобразований. Ценности молодежи, ее представления о составляющих успеха, приоритетных жизненных направлениях, настоящем и будущем определяют векторы общественного развития. Студенчество отличается высоким зарядом социальной активности и готовностью бороться за свои интересы [20], выступает ключевым актором воспроизводства социально-профессиональной структуры [6], воспринимает учебу как значимый ресурс социальной мобильности, в связи с чем растет интерес молодежи к получению образования [21]. Сегодня традиционные образовательные траектории дополняются более сложными, включающими разные уровни обучения и стратегии самопозиционирования на рынке труда, что предоставляет молодым людям больше возможностей в меняющихся социально-экономических условиях [10]. Установки и жизненные стратегии молодежи, ее представления о приоритетных стратегиях будущего — как личного, так и общественного — находятся под постоянным влиянием стремительно меняющейся конъюнктуры. Так, например, пандемия covid-19, несмотря на сложности адаптации к социальной изоляции, заметно расширила масштабы и интенсивность цифровой коммуникации российского студенчества [1; 7]. Но стремительно развивающиеся сети регулярной онлайн коммуникации сокращают «круг доверия» молодежи, количество субъектов, которым она однозначно доверяет [11. С. 112]. Высокая «чувствительность» студенческой молодежи к повестке дня и ее стратегическая социальная значимость делают особенно актуальным исследование ее ценностных установок.

Для изучения ценностных ориентаций студенчества в рамках проекта «Динамика ценностных ориентаций студенческой молодежи в процессе обучения в вузе» в ноябре — декабре 2022 года была проведена серия фокус-групп (по 12 участников в каждой; представлены основные специальности обучения и обеспечен гендерный баланс) в четырех российских вузах: Государственном академическом университете гуманитарных наук (ГАУГН, Москва), Череповецком государственном университете (ЧГУ, Череповец), Южном федеральном университете (ЮФО, Ростов-на-Дону) и Уфимском университете науки и технологий (УУНиТ, Уфа). Ниже представлены основные результаты фокус-групп.

Общее эмоциональное состояние молодежи. Большинство студентов признавались, что в течение года, предшествовавшего исследованию, их психоэмоциональное состояние было сложным, напряженным, доминировали чувства страха, волнения, неуверенности, агрессии: «У меня и всех моих близких — друзей и родственников — в более негативную сторону изменилось состояние, оно стало более нестабильным»; «У нас на факультете я заметила, что у людей преобладает тревожное состояние»; «Люди из моего окружения и я стали более тревожными. Повысился уровень тревожности в связи с ситуацией в стране и неуверенностью в завтрашнем дне. Ты не зна-

ешь, что будет завтра, даже строить планы невозможно»; «Если говорить про мои самоощущения, то я не знаю, что делать. У меня на протяжении полугода каждый раз ломались планы на будущее»; «Мои сверстники сейчас в тревожном состоянии, беспокоятся за своих родственников. Мне тоже немножко тревожно»; «В целом все стали более тревожными — как в семейном кругу, так и в окружении»; «Настрой тревожный и достаточно негативный».

Основная причина эмоциональной напряженности студентов — изменение геополитической обстановки в мире после начала специальной военной операции на Украине в феврале 2022 года: *«В последнее время неустойчивое эмоциональное состояние, связанное больше всего, конечно, с последними событиями, и вообще ситуация в мире очень напрягает»; «Действительно, политическая обстановка на меня влияет очень сильно... за последнее время у меня сильно психоземotionalное состояние просело»; «Из-за внешнеполитических событий и в принципе ситуации в мире привычные вещи выходят из-под контроля, и становится очень тяжело со всем этим справляться».*

Чувство тревожности, особенно у юношей, выросло после объявления частичной мобилизации в сентябре 2022 года, что обеспокоило, прежде всего, студентов выпускных курсов, переживавших по поводу сохранения отсрочки: *«Родственники за меня тоже опасаются, поскольку этот год, получается, последний, и передо мною неопределенность. Конечно, у меня есть определенная гарантия того, что я могу поступить в магистратуру, но в любой момент отсрочку могут отменить»; «Я в последнее время поспокойнее стал. Многие из знакомых уехали из России, некоторые возвращаются, некоторые вернулись, некоторые думают о том, чтобы вернуться... в целом нервно, но не так нервно, как после начала мобилизации или после начала специальной военной операции».*

Для студентов первого курса основной причиной волнений в течение года было поступление в вуз: *«Я столкнулась с трудностями при подготовке к экзаменам, но смогла вовремя взять себя в руки и настроить себя на хороший лад. И это помогло мне сохранить спокойствие, уверенность, поступить в университет, переехать в Москву»; «Смена школы на университет, смена коллектива, смена зоны комфорта тоже оказывает на меня тревожащее влияние»; «За последний год, в основном в период окончания школы, я сначала была совершенно спокойна, не переживала до начала экзаменов. А потом резко все в моей голове перевернулось, было очень страшно, и все лето я в дрожи просидела. Период поступления был очень волнительным. А уже когда я поступила, мне стало легко»; «У меня достаточно нестабильное эмоциональное состояние... Многие первокурсники еще не влились в учебу и испытывают страх за будущее».*

Для студентов выпускных курсов с большой учебной нагрузкой фактором тревожности выступает страх за будущее, туманность стратегий

«взрослой жизни», неопределенность перспектив, прежде всего профессиональных: *«Тревожность сейчас очень часто связана с учебной нагрузкой... на носу диплом... поэтому такая тревожность есть небольшая»*; *«То, что вокруг меня все люди тревожные, чуть-чуть мне капает на мозг, формируется чувство тревоги... я устаю от учебы и двух работ»*; *«Иногда просто морально не успеваешь отдохнуть, выспаться»*.

Некоторые информанты, даже отмечая тревожность своего окружения, уверены, что сами пребывают в спокойном психоэмоциональном состоянии: *«В целом все стали более тревожными... но, что касается меня, без изменений»*; *«О себе: как был спокойным, так и остался, ничего не изменилось»*; *«Если говорить о моих сверстниках, то их состояние, наоборот, достаточно приподнятое, потому что они сдали экзамены и поступили туда, куда хотели. А что касается взрослых людей, моей семьи, знакомых, учителей, то их состояние я бы не мог характеризовать конкретно как подавленное или наоборот приподнятое — оно скорее статичное»*; *«В последнее время очень популярен тренд осознанности... Много людей, которые не поддаются панике, наоборот, мы друг друга все поддерживаем»*. Получается, что спокойное уравновешенное состояние — результат усилий и работы над собой: *«Сейчас я стараюсь сохранять спокойствие. Конечно... в связи с этой политической ситуацией сложновато это делать, но все-таки возможно»*; *«Сейчас мое состояние стабильное, иногда переживательное, иногда нет»*.

Приоритетные источники информации и доверие СМИ. Напряженно-тревожное психологическое состояние молодых людей в значительной степени обусловлено медийной повесткой. Основным источником актуальной информации участники исследования назвали интернет-медиа, а к традиционным СМИ участники фокус-групп практически не обращаются, телевизор не смотрят в том числе по принципиальным соображениям. За последний год доверие молодежи ко всем источникам информации, в том числе интернет-ресурсам, снизилось: традиционным СМИ молодежь не доверяет совсем, отношение к контенту не-цифровых медиа *«было плохим, стало ужасным»*: *«Сейчас наш мир такой тревожный, непонятный, неопределенный, ни в коем случае нельзя вообще чему-то доверять»*; *«Раньше у меня был довольно сильный скептицизм по отношению к телевидению, сейчас он усилился в три раза точно»*.

Однако и цифровым источникам информации молодежь не доверяет абсолютно, воспринимая любой информационный контент предельно критично: *«Для меня Интернет всегда являлся совокупностью правдивых и неправдивых фактов, поэтому не могу сказать конкретно, изменилось ли отношение к нему. Всегда отношусь к информации с настороженностью»*; *«Использую Интернет, но не доверяю всему, что там пишут»*; *«Если раньше у меня... была какая-то нотка скептицизма по отношению ко всей информации, ко-*

тую я получаю, то сейчас, насколько бы достоверна информация ни была, я ей абсолютно не верю и не могу себя заставить поверить».

В качестве ключевой причины недоверия новостному контенту было названо желание обезопасить себя от дезинформации, фейков и пропаганды, которые могут стать источником разногласий с близкими людьми: *«Если раньше какие-то новостные программы по телевидению, в интернет-источниках воспринимались нейтрально, то сейчас любая информация воспринимается негативно, как подлог какой-то, попытка разобщения и разрозненности»; «Много дезинформации, которая подкрепляет общую тревожность»; «Много ненужной пропаганды, чтобы разжечь конфликт внутри страны».*

Таким образом, широкое распространение социальных медиа не превращает виртуальную коммуникацию в основной способ получения информации и не повышает уровень доверия цифровым публикациям [4. С. 440–453], скорее виртуальная коммуникация укрепляет сложившиеся связи с единомышленниками, не способствуя массовому распространению новых идей [22].

На фоне общего снижения доверия молодежи медиа, в том числе и цифровым, растет востребованность свидетельств ближайшего круга, которому молодые люди доверяют: *«Всегда было много фейковой информации, но в настоящее время ее еще больше... При этом увеличилось доверие вербальной коммуникации, друг к другу, к родителям... Только таким устным источникам доверяю».* Большинство участников фокус-групп подчеркивали необходимость сопоставления фактов из разных источников, принципиального сомнения в достоверности информации, представленной даже в цифровых источниках: *«Необязательно верить каждому слову, можно, услышав информацию, сопоставить ее с разными источниками»; «Нужно читать много источников и сопоставлять информацию»; «Основные источники информации — либо Телеграм-каналы, либо новостная сводка в Яндексе, либо информация от друзей-знакомых».*

Российская молодежь о себе. Молодые люди с воодушевлением рассказывали о своем поколении, охотно рассуждали о себе — что из себя представляет собой современная молодежь. Информанты называли не только наиболее яркие черты молодого поколения, но и пытались сформулировать его отличительные черты, не характерные для старших поколений: свободомыслие, свобода от стереотипов; неординарность мышления; толерантность к своеобразию окружающих; крайний индивидуализм; осознанность и последовательное следование собственным взглядам; высокая мотивированность, целеустремленность; энергичность; стремление к развитию и познанию нового, ориентация на учебу, креативность и саморазвитие. Многие информанты связывали стремление к самореализации у молодых россиян с их относительным материальным благополучием: *«Раньше взросление оттягивалось, и, например, только к тридцати годам можно было купить машину, а сейчас люди стремятся в двадцать лет иметь машину, квартиру,*

работу хорошую»; «Если наши родители или бабушки с дедушками думали, что можно попозже заработать денег на квартиру или на машину, то нам нужно побыстрее заработать их, и мы знаем какими методами можно сделать это»; «Нам гораздо проще приспособиться к любой ситуации».

Ключевой чертой молодежи информанты называли ее постоянную включенность в коммуникацию, прежде всего, цифровую, непрерывное общение с ближним кругом, интегрированность в социальные медиа: *«Мы постоянно находимся в информационном пространстве, в социальных сетях»; «Молодежь очень хорошо интегрирована в новые технологии»; «У нас большой поток информации, где много может быть кумиров, и мы не выбираем кого-то определенного. Из социальных сетей мы получаем много знаний, тем самым мы можем выбирать, а у прошлого поколения был только телевизор и не было разнообразной информации».*

Среди негативных отличительных черт современной молодежи участники фокус-групп называли: инфантильность, позднее в сравнении с родителями взросление, неготовность к полноценной взрослой жизни и неумение взять на себя ответственность, принять важное решение; ограниченные ресурсы социальной коммуникации, отсутствие нужных социальных связей, с помощью которых можно устроиться в жизни; отсутствие четких целей в жизни и понимания того, как их достичь (некая пассивность); недостаточная профессиональная квалификация, поверхностное освоение профессии.

Студенты также отмечали некоторые специфические черты российской молодежи: *«культурная связь с предыдущими поколениями... может быть, мечтательность. Не инфантильность, а какая-то вдохновенность, желание получить от жизни максимум и, самое главное, верить, что ты этот максимум получишь, хотя это далеко не всегда происходит».* Многие информанты подчеркивали, что российская молодежь желает перемен в стране, что приведет к утверждению новых идей и новых сил, способных к позитивным преобразованиям: *«У молодежи много новаторства, много идей... Все это молодежь будет пытаться внедрять, причем активно. Если они придут на свое место, то они не будут просто делать свою работу, а будут стараться всеми всевозможными способами продвигать свои идеи, что-то новое создавать»; «Когда нынешняя молодежь войдет в активный жизненный период, это стопроцентно повлечет за собой большие изменения, потому что склад ума у нас немного другой, и мыслим мы тоже по-другому»; «Переживая те события, которые мы переживаем сейчас, возможно, у нас получилось бы, как бы это глобально ни звучало, сделать мир лучше. Наблюдая все эти события и переживая их, возможно, мы просто не захотим их повторения».*

По мнению участников фокус-групп, молодежь отличается от других поколений свободой и широтой взглядов, стремлением к саморазвитию, мотивированностью к действиям, в том числе социально значимым, ин-

тегрированностью в современные информационные и коммуникативные системы. Поэтому молодежь, особенно студенческая, воспринимается как одна из наиболее прогрессивных социальных групп, которая *«начинает двигать общество»*, и весьма самостоятельная (*«молодежь научилась зарабатывать деньги»*), не боящаяся изменений в работе и частной жизни (*«у молодежи сейчас очень большой выбор того, куда они могут податься, что начать делать, и страх — он значительно меньше, чем у молодежи того времени»*), разносторонне развитая и *«гибкая в плане поиска себя по жизни»*, сочетающая индивидуализм и развитую эмпатию, ориентацию на саморазвитие и перфекционизм (страх неудачи, неуверенность в своих силах).

Молодежь о социальной структуре. Одной из ключевых характеристик и одновременно проблем российского общества информанты считают социальное расслоение, в том числе в молодежной среде, а его базовым основанием — имущественный фактор (доход): *«Очень ощущается различие в материальном достатке семьи — в основном это статус родителей, если мы говорим о студентах, молодежи, их связи»*; *«Вот у нас есть больница частная, прекрасная качественная медицина, в то время как бесплатная — это тихий ужас... есть богатые и бедные, вот это расслоение»*. Пристальное внимание молодых людей к проблеме социального неравенства — тревожный признак. Многолетние социологические наблюдения свидетельствуют, что неудовлетворенность своим положением в обществе и социальным статусом, нереализованность жизненных планов и социально-экономическая депривация — базовые факторы социальных конфликтов [9. С. 30–32], особенно на фоне актуализации в молодежной среде запроса на социальные перемены [18]. Крайне остро социальную несправедливость переживает молодежь, склонная идеализировать возможные модели социального порядка [3]. Многие информанты отмечали как остро актуальную проблему отсутствие собственного жилья. Возможность решения этой проблемы молодежь связывает с взрослением, будущим профессиональным становлением и финансовой независимостью, особенно не рассчитывая на помощь родителей или государства.

Участники московской фокус-группы реже отмечали имущественное неравенство в своем окружении или же, отмечая, не считали его значимым основанием социальной дезинтеграции: *«Думаю, в целом это имеет место, но я не сталкивалась с этим»*; *«У себя в вузе я не видел никого, кто откровенно отличался бы от обычных людей»*. А вот неравенство между студентами московских вузов разной степени «элитарности» или представителями более и менее престижных факультетов/отделений участники московской фокус-группы ощущают: *«Неравенство внутри вуза не так сильно ощущается по сравнению с другими вузами, например, с МГИМО, РАНХиГС или МГУ»*; *«В РЭУ Плеханова они себя чувствуют гораздо круче, чем все остальные»*.

Отмечая проблему социального неравенства, некоторые участники фокус-групп признавались в своей «социальной предвзятости» — желании взаимодействовать преимущественно с людьми близкого социального статуса, что позволяет чувствовать себя комфортно в общении: *«Мы стараемся больше замечать тех, кого мы вписываем в свою социальную группу, с кем мы себя чувствуем на равных. Наверное, это бессознательно происходит, мы этого можем и не замечать».*

Имущественное неравенство, как полагают студенты, порождает еще один важный вектор социального разделения — образовательный, обусловленный неравенством возможностей для получения высшего образования: *«К счастью, мои родители могут позволить себе ходить по платным больницам. А есть люди, которые не могут позволить себе ходить по больницам. В итоге они вынуждены терпеть проблемы со здоровьем... Также это видно очень сильно по ЕГЭ — у кого родители могут позволить себе репетиторов и все остальное»; «У тех, кто не может себе чего-либо позволить, два пути: либо смириться, получить свою корочку и думать, кто мне поможет, как найти силы в себе, все плохо, а другие просто работают».* Некоторые студенты в качестве значимого основания социальной неоднородности называли территориальный фактор, поскольку место проживания определяет потенциальные возможности молодых людей для самореализации, получения образования и работы: *«Люди с окраин России более ограничены в возможностях, потому что неразвитость города ограничивает возможности, чтобы развить себя»; «Если ты в Москве родился, и у тебя богатые родители, то все у тебя в шоколаде»; «Если родился в Москве, то больше возможностей для самореализации. Если человек из деревни, то у него этих возможностей гораздо меньше. Ему прежде всего нужно выехать из этой деревни. А для этого нужно что-то сделать, банально снять квартиру в Москве, а для этого нужны деньги, а для этого нужно найти работу, а работу в деревне найти сложно».*

Включенность студенчества в объединения. Молодежь традиционно объединяется в группы, интенсивно коммуницирует и взаимодействует с ровесниками по самым разным поводам. Как признавались в ходе фокус-групп студенты, наиболее значимым основанием объединения сверстников является их совместная (не только учебная) деятельность и общие интересы (спорт, здоровье, хобби, образование, будущая профессия). Многие стратегии коммуникации со сверстниками студенты переносят из семейных отношений, из привычки взаимодействовать с близкими людьми [2. С. 89–93], а жизненные стратегии в целом обусловлены социокультурным контекстом социализации [9]. Преимущественно сближает молодежь учеба, разнообразные образовательные мероприятия, а также совместная работа, проектная деятельность: *«Я работаю по специальности, и мне кажется, что намного лучше, когда ты объединяешься с людьми, которые работают в той же сфере, пото-*

му что ты можешь получить много новых знаний и связей, и какой-нибудь стартап можете организовать вместе с тем, кому это нужно»; «Я выбирала товарищей по степени ответственности, по тому, как у меня с ними идет взаимодействие, я доверяю этим людям, я могу с ними спокойно делать какие-то проекты». Однако сплочению могут способствовать и негативные факторы: общий противник или неприязнь к какому-то явлению или процессу: «Современные молодежные группы объединяются по признаку того, что бесит всех молодых людей».

Лидеры молодежного общественного мнения. Отношение к фигуре возможного лидера в молодежной среде сложное: с одной стороны, информанты крайне недоверчивы, в том числе в отношении «названных» авторитетов. Большинство студентов заявляли, что принципиально отрицают авторитеты, но в некоторых ситуациях прислушиваются к тем, кому доверяют или кто им симпатичен: «Героев точно нет. Авторитетов, близких мне по взглядам, я не назову. Обычно я ко всем, кто мне нравится, прислушиваюсь»; «У меня прям таких авторитетов нет, но есть люди, на которых я смотрю в Интернете или в реальной жизни и стараюсь отмечать для себя некоторые их мысли, которые мне интересны». С другой стороны, у кого-то нет кумира, кто-то считает привлекательными отдельных людей или находит значимым какое-то их мнение, но не выделяет их как авторитетных личностей, многие ориентированы на персональную самоактуализацию и принципиально не приемлют никаких авторитетов — все это свидетельствует об отсутствии у молодежи единой референтной фигуры, объединяющей молодых людей и оказывающей на них влияние: «Сейчас каждый сам за себя, старается вырабатывать свою точку зрения, быть лидером, личностью, думать своей головой, а не доверяться словам кого-то».

Многолетние социологические исследования свидетельствуют, что члены семьи, родственники выступают для россиян наиболее значимыми фигурами, на чье мнение и суждения они ориентируются [5. С. 62–65]. Для ряда студентов авторитетны вузовские преподаватели, «потому что это люди с большим опытом. Как школа — второй дом, так и в институте ты проводишь много времени с преподавателями... они влияют на становление личностей детей». Информанты отмечали, что «для каждого свой авторитет. Для кого-то это может быть семья. Героем я все-таки считаю Маресьева, который во время Великой Отечественной войны летал без ног, еще и танцевать научился благодаря своей силе воли, силе духа». Однако многие участники фокус-групп демонстрировали запрос на значимые фигуры в различных сферах жизни, в качестве которых могут выступать публичные политики, блогеры и популярные исполнители, информация о которых регулярно появляется в медиа: «Обычно люди смотрят на блогеров, которые специализируются либо на политической тематике, либо занимаются изготовлением какого-либо контента: обзоров фильмов, книг, чего угодно. И это тоже

могут быть в какой-то степени лидеры общественного мнения». Впрочем, привлекательность медийных фигур для молодежи ситуативна и коррелирует с представленностью публичных деятелей в медиа: *«Я восхищаюсь Владимиром Путиным, потому что насколько нужно иметь выдержку, чтобы отвечать на всякого рода каверзные вопросы, он везде и на различных саммитах... очень грамотно, четко отвечает, когда его пытаются спровоцировать, он хладнокровно отвечает на вопросы»*.

В то же время информанты говорили, что известность в молодежной среде блогеров и популярных исполнителей во многом обусловлена их легким и быстрым успехом, когда высокая узнаваемость и даже слава, большие гонорары и медийный успех были приобретены без получения образования, последовательного профессионального и карьерного развития, выполнения сложного и квалифицированного труда: *«Вот Даня Милохин — один из таких случаев, когда человек, не проходя какой-то супердлинный путь, не получая профессии, становится известным и кумиром... Он не делает ничего такого... суперсложного, но тем не менее он очень известен и получает огромные деньги»*.

В числе ключевых качеств авторитетных фигур молодые люди называли харизматичность, мужественность, силу, готовность заявлять и отстаивать свою позицию. Современный герой, по мнению информантов, может ошибаться и даже демонстрировать презрение к общественным нормам, но обязательно должен следовать собственным ориентирам: *«Современные герои — это харизматичные мужчины... И фильмы демонстрируют таких персонажей, которые двигаются по своему пути очень ровно, очень уверены в том, что делают, и их не трогает мнение окружающих»*. Конформность, готовность мириться с обстоятельствами, как полагает молодежь, недопустимы для героя нашего времени: *«У современной молодежи есть определенный тип антигероя — это человек, который очень быстро меняет свое мнение, т. е. человек, у которого вообще нет мнения... Он вначале говорит одно, потом другое»*. Впрочем, смелость, готовность брать на себя ответственность и определять стратегию развития группы — ключевые качества любого молодежного лидера независимо от социокультурных особенностей групп [12].

Авторитетов среди чиновников молодые люди не видят, государственным институтам и политическим деятелям не доверяют, либо это доверие «точечное», распространяется на отдельные личности, что говорит о непростой адаптации молодежи к обстоятельствам, высокой тревожности и низком уровне доверия всем, кто не входит в ближний круг: *«Подорвано доверие к государственным органам из-за их неадекватных и неправильных решений»*. Среди чиновников, вызывающих уважение и даже симпатию за свой профессионализм, студенты называли Михаила Мишустина, Эльвиру Набиуллину и Сергея Лаврова.

Таким образом, доминирующими в студенческой среде эмоциями стали чувства тревоги, незащитности и неопределенности, неуверенности в завтрашнем дне. Переживания участников фокус-групп, их эмоциональное состояние обусловлены главным образом актуальной геополитической ситуацией, однако психологической напряженности способствовали также сложное финансовое положение молодых людей, их высокая учебная нагрузка, связанная с поступлением в вуз первокурсников и подготовкой к защите дипломного проекта выпускников. На психологическое состояние студентов в значительной степени влияет поступающая из СМИ информация, хотя традиционными медиа молодежь не пользуется, в том числе по принципиальным соображениям, отдает предпочтение цифровым источникам и полагая, что благодаря цифровизации имеет широкий доступ к информации. Но уровень доверия молодежи любым медиа низок, любую информацию молодежь воспринимает предельно критично и стремится перепроверить, поэтому растет популярность изустной информации от близких и родных людей.

Среди характерных черт современной молодежи, отличающих ее от старших поколений, информанты называли внутреннюю свободу и широту взглядов, постоянное саморазвитие, стремление к самореализации, сочетание индивидуализма и развитой эмпатии, а также постоянную включенность в коммуникацию с друзьями посредством социальных медиа. К негативным чертам молодежи участники фокус-групп относили инфантильность, «запаздывающее» взросление, неготовность брать на себя ответственность и принимать решения. Молодые россияне ориентированы на перемены в стране, связывают социальные изменения со сменой поколений, сами готовы участвовать в социальных преобразованиях. В качестве наиболее острой, болезненной проблемы российского общества информанты выделяют социальное неравенство, обусловленное, прежде всего имущественным расслоением, и производным от имущественного неравенства оказывается недоступность для многих молодых россиян высшего образования и собственного жилья.

К разнообразию мнений и жизненных стратегий молодежь относится спокойно, считая индивидуализм ровесников и их стремление к самоактуализации естественными, но при этом отмечая в качестве оснований молодежного сплочения общность интересов и совместную учебу. В то же время многие предельно индивидуалистичны и не приемлют авторитетов, многие — недоверчивы, хотя демонстрируют определенный интерес к ярким медийным персонам (политическим деятелям и популярным блогерам).

Информация о финансировании

Статья подготовлена в рамках инициативной темы НИР РУДН №100932-0-000 «Динамика ценностных ориентаций студенческой молодежи в процессе обучения в вузе».

Библиографический список

1. *Алешковский И.А., Гаспаривили А.Т., Крухмалева О.В., Нарбут Н.П., Савина Н.Е.* Студенты вузов России об обучении в период пандемии covid-19: ресурсы, возможности и оценка опыта работы в удаленном режиме // Вестник РУДН. Серия: Социология. Т. 21. № 2.
2. *Антонова Л.Н., Меренков А.В.* Культура здоровьесбережения студенческой молодежи: противоречия становления и развития // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. XIX. № 2.
3. *Антоновский А.Ю., Бараи Р.Э.* Радикальная наука. Способны ли ученые на общественный протест? // Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55. № 2.
4. *Бараи Р.Э.* Социальные медиа как фактор формирования общественно-политических установок, российский контекст // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 2.
5. *Варламова С.Н., Носкова А.В., Седова Н.Н.* Семья и дети в жизненных установках россиян // Социологические исследования. 2006. № 10.
6. *Горшков М.К., Шереги Ф.Э., Тюрина И.О.* Воспроизводство специалистов интеллектуального труда: социологический анализ. М., 2023.
7. *Грязнова Ю.Б.* Психологическое состояние россиян после года пандемии covid-19. 12.07.2021 // URL: <https://covid19.fom.ru/post/razgovor-o-kollektivnojtravme-iz-za-pandemii>.
8. *Зайцева А.А.* Академическая мобильность студентов: ценности, установки и социальная практика в Юге России // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8. № 3.
9. *Зубок Ю.А., Чупров В.И.* Жизненные стратегии молодежи: реализация ожиданий и социальные настроения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3.
10. *Константиновский Д.Л., Попова Е.С.* Новый характер образовательных и профессиональных траекторий молодежи // Россия реформирующаяся. Вып. 20. М., 2022.
11. *Кузнецов И.С.* Доверие студентов и их образовательная траектория после окончания вуза // Высшее образование в России. 2023. Т. 32. № 1.
12. *Луков В.А.* Особенности молодежных субкультур в России // Социологические исследования. 2002. № 10.
13. *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Жизненные планы российских студентов: ожидания и опасения в профессиональной сфере // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2014. № 2.
14. *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Репертуар страхов российского студента: по материалам эмпирического проекта // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2013. № 4.
15. *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Социальное самочувствие молодежи постсоциалистических стран (на примере России, Казахстана и Чехии): сравнительный анализ ценностных ориентаций (Часть 1) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 1.
16. *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Социальное самочувствие молодежи постсоциалистических стран (на примере России, Казахстана и Чехии): сравнительный анализ страхов, надежд и опасений (Часть 2) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 2.
17. *Нарбут Н.П., Троцук И.В., Цзи Цзиньфэн.* Ожидания и опасения студенческой молодежи: социологическая оценка в кросскультурном контексте // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2014. № 1.
18. *Петухов В.В.* Российская молодежь и ее роль в трансформации общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3.
19. Саморегуляция жизнедеятельности молодежи: методология и социальные практики / Ю.А. Зубок, О.Н. Безрукова, Ю.Р. Вишневецкий и др. Белгород, 2021.
20. *Тишков В.А., Бараи Р.Э., Степанов В.В.* Идентичность и жизненные стратегии студенчества в России // Социологические исследования. 2017. № 8.

21. Трофимова И.Н. Международное сотрудничество российских вузов и академическая мобильность (по материалам отчетов о самообследовании) // Социодинамика. 2021. № 9.
22. Stieglitz S., Dang-Xuan L. Social media and political communication: A social media analytics framework // *Social Network Analysis and Mining*. 2012. No. 3.

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-2-430-444

EDN: QZYNLW

Student youth: Psycho-emotional and social self-portrait (based on the results of focus groups)*

R.E. Barash, I.O. Tyurina

Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Krzhizhanovskogo st., 24/35, корп. 5, Москва, 117218

(e-mail: raisabarash@gmail.com; irinal-tiourina@yandex.ru)

Abstract. Based on the results of focus groups with students of four Russian universities, the authors describe the psycho-emotional state and social position of the student youth, the range of problems that concern them, plans for the future, priority strategies for interaction with peers and the attitude towards such ideological traits as free-thinking and originality of thinking, tolerance to the uniqueness of others and following one's own views, motivation and determination. The study showed that under the influence of the current media agenda (primarily on the Internet), emotions of anxiety, defenselessness and uncertainty dominate among students, while the traditional media are virtually of no interest for the focus group participants, and most informants do not watch TV, including for ideological reasons. The psychological state of young people is largely determined by the media content, which they do not trust and repeatedly double-check. For students graduating from university and having a large amount of academic work, the main source of anxiety is fear of an unknown future, uncertainty in choosing a career and life goals, including in the current geopolitical situation. Russian students consider the unique features of their generation to be internal freedom and open-mindedness, constant self-development and the desire for self-realization, a combination of individualism and empathy, and constant involvement in communication with friends through social media. Among the negative traits of the youth, informants named some immaturity and unwillingness to make responsible decisions. Among the most disturbing and painful social problems in the Russian society for the youth, students emphasized social inequality caused by differences in property and income, while they calmly perceive the diversity of opinions and life strategies.

Key words: Russian society; public opinion; youth; students; values; communication; digitalization: value orientations; life strategies; social mobility; image of the future

* © R.E. Barash, I.O. Tyurina, 2024

The article was submitted on 25.11.2023. The article was accepted on 15.02.2024.

References

1. Aleshkovski I.A., Gasparishvili A.T., Krukhmaleva O.V., Narbut N.P., Savina N.E. Studenty vuzov Rossii ob obuchenii v period pandemii covid-19: resursy, vozmozhnosti i otsenka opyta raboty v udalennom rezhime [Russian students about learning under the covid-19 pandemic: Resources, opportunities and assessment of the distance learning]. *RUDN Journal of Sociology*. 2021; 21 (2). (In Russ.).
2. Antonova L.N., Merenkov A.V. Kultura zdoroviesberezheniya studencheskoj molodezhi: protivorechiya stanovleniya i razvitiya [Healthcare culture of the student youth: Contradictions of formation and development]. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2016; XIX (2). (In Russ.).
3. Antonovsky A.Yu., Barash R.E. Radikalnaya nauka. Sposobny li uchenye na obshhestvenny protest? [Radical science. Are scientists capable of public protest?]. *Epistemology and Philosophy of Science*. 2018; 55 (2). (In Russ.).
4. Barash R.E. Sotsialnye media kak faktor formirovaniya obshhestvenno-politicheskikh ustanovok, rossijsky kontekst [Social media as a factor of formation of social-political attitudes, the Russian context]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2022; 2. (In Russ.).
5. Varlamova S.N., Noskova A.V., Sedova N.N. Semiya i deti v zhiznennykh ustanovkakh rossiyan [Family and children in the life attitudes of Russians]. *Sociological Studies*. 2006; 10. (In Russ.).
6. Gorshkov M.K., Sheregi F.E., Tyurina I.O. *Vosproizvodstvo spetsialistov intellektualnogo truda: sotsiologicheskyy analiz* [Reproduction of Specialists of the Intellectual Labor: Sociological Analysis]. Moscow; 2023. (In Russ.).
7. Gryaznova Yu.B. Psikhologicheskoe sostoyanie rossiyan posle goda pandemii covid-19 [The psychological state of Russians after the year of the covid-19 pandemic]. 12.07.2021. URL: <https://covid19.fom.ru/post/razgovor-o-kollektivnojtravme-iz-za-pandemii>. (In Russ.).
8. Zaytseva A.A. Akademicheskaya mobilnost studentov: tsennosti, ustanovki i sotsialnaya praktika na Yuge Rossii [Student academic mobility: Values, attitudes and social practices in the South of Russia]. *Research Result. Sociology and Management*. 2022; 8 (3). (In Russ.).
9. Zubok Yu.A., Chuprov V.I. Zhiznennye strategii molodezhi: realizatsiya ozhidaniy i sotsialnye nastroyeniya [Life strategies of the youth: Realization of expectations and social moods]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2020; 3. (In Russ.).
10. Konstantinovskiy D.L., Popova E.S. Novyy kharakter obrazovatelnykh i professionalnykh traektorij molodezhi [New type of educational and professional trajectories of the youth]. *Reforming Russia*. Moscow; 2022; 20. (In Russ.).
11. Kuznetsov I.S. Doverie studentov i ih obrazovatel'naya traektoriya posle okonchaniya vuza [Students' trust and their educational trajectory after graduation]. *Higher Education in Russia*. 2023; 32 (1). (In Russ.).
12. Lukov V.A. Osobennosti molodezhnykh subkultur v Rossii [Features of youth subcultures in Russia]. *Sociological Studies*. 2002; 10. (In Russ.).
13. Narbut N.P., Trotsuk I.V. Zhiznennyye plany rossiyskikh studentov: ozhidaniya i opaseniya v professionalnoy sfere [Russian students' life plans: Expectations and concerns in the professional field]. *RUDN Journal of Sociology*. 2014; 2. (In Russ.).
14. Narbut N.P., Trotsuk I.V. Repertuar strakhov rossiyskogo studenta: po materialam empiricheskogo proekta [Russian students' main fears: The results of an empirical study]. *RUDN Journal of Sociology*. 2013; 4. (In Russ.).
15. Narbut N.P., Trotsuk I.V. Sotsialnoe samochuvstvie molodezhi postsotsialisticheskikh stran (na primere Rossii, Kazakhstana i Chexii): sravnitelnyy analiz tsennostnykh orientatsiy (Chast 1) [The social well-being of the post-socialist countries' youth (on the example of Russia, Kazakhstan and Czech Republic): Comparative analysis of value orientations (Part 1)]. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18 (1). (In Russ.).

16. Narbut N.P., Trotsuk I.V. Sotsialnoe samochuvstvie molodezhi postsotsialisticheskikh stran (na primere Rossii, Kazakhstana i Chekhii): sravnitelny analiz strakhov, nadezhd i opaseny (Chast 2) [The social well-being of the post-socialist countries' youth (on the example of Russia, Kazakhstan and Czech Republic): Comparative analysis of fears and hopes (Part 2)]. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18 (2).
17. Narbut N.P., Trotsuk I.V., Ji Jinfeng. Ozhidaniya i opaseniya studencheskoy molodezhi: sotsiologicheskaya otsenka v krosskulturnom kontekste [Student youth expectations and concerns: Sociological evaluation in the cross-cultural context]. *RUDN Journal of Sociology*. 2014; 1. (In Russ.).
18. Petukhov V.V. Rossijskaya molodezh i ee rol v transformatsii obshchestva [Russian youth and its role in the transformation of society]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2020; 3. (In Russ.).
19. *Samoregulyatsiya zhiznedeyatelnosti molodezhi: metodologiya i sotsialnye praktiki* [Self-Regulation of the Youth's Activity: Methodology and Social Practices]. Yu.A. Zubok, O.N. Bezrukova, Yu.R. Vishnevsky et al. Belgorod; 2021. (In Russ.).
20. Tishkov V.A., Barash R.E., Stepanov V.V. Identichnost i zhiznennye strategii studenchestva v Rossii [Students' identity and life strategies in Russia]. *Sociological Studies*. 2017; 8. (In Russ.).
21. Trofimova I.N. Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo rossijskikh vuzov i akademicheskaya mobilnost (po materialam otchetov o samoobsledovanii) [International cooperation of Russian universities and academic mobility (based on self-reports)]. *Social Dynamics*. 2021; 9. (In Russ.).
22. Stieglitz S., Dang-Xuan L. Social media and political communication: A social media analytics framework. *Social Network Analysis and Mining*. 2012; 3.